

Завещание дедушки Якова

ИРИНА БГАНЦЕВА

Ирина Бганцева

Завещание дедушки Якова

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Бганцева И.

Завещание дедушки Якова / И. Бганцева — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715463-8

Умирая, дедушка Яков просит внучку Лизу разыскать тетрадь в кожаном переплете. Разбирая его бумаги, девочка узнает, что судьба ее предков удивительным образом переплетена с историей России и подвигом сестер милосердия. Из далекого прошлого любовь и жертвенность освятит жизнь нашей современницы и поможет ей сделать самый важный в жизни выбор. "Сколько бы мы ни читали жизнеописания святых Иулиании милостивой, царицы Александры, Елизаветы Федоровны, геронтииссы Гавриилии, здесь открывается возможность узнать другие, ранее неизвестные факты служения подвижниц и их окружения... Книга, по всей вероятности, не оставит равнодушной ни детей, начиная со школьного возраста, ни взрослых. Это тот самый идеальный вариант семейного чтения" - из рецензии на сайте Милосердие.ру.

ISBN 978-0-88-715463-8

© Бганцева И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава первая. Таинственная тетрадь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ирина Бганцева

ЗАВЕЩАНИЕ ДЕДУШКИ ЯКОВА

Глава первая. Таинственная тетрадь

– Лизавета, детка, только ты сможешь продолжить мое дело, – с каждым словом из груди деда Якова вылетал протяжный свист. – Найди на чердаке тетрадь в кожаном переплете...

Бедный старик пытался говорить быстро, но так и не смог сдержать приступ кашля. Казалось, кто-то раздирал его внутренности на части.

– Тетрадь... Найди ее... Только ты...

Он хотел сказать что-то еще, но не смог.

– Дедушка Яков! – закричала девочка и бросилась к постели умирающего.

Ее остановили крепкие руки отца.

– Выйдем, Лизонька. Отец Георгий должен исповедать дедушку.

Дубовая дверь спальни закрылась с тяжким стоном, будто не хотела впускать смерть. Старый дом замер, предчувствуя расставание со своим хозяином. Большие напольные часы отсчитывали последние минуты его жизни. Стрелка остановилась на двенадцати, щелкнула пружина и заиграла знакомая мелодия – «Боже, Царя храни». Потом маятник качнулся последний раз и замер навсегда...

Прошли похороны. Лиза бродила по старому саду, думая только о дедушке Якове. Он был не только удивительно добрым человеком, но и замечательным врачом, хирургом. Спасал даже самых безнадежных больных. В годы Великой Отечественной войны он провел сотни операций, порой не отдыхая круглые сутки. А после войны – десять лет лагерей по ложному доносу. «Было такое время», – вздыхая, говорил он. И тут же радостно добавлял: «Зато сколько прекрасных людей мне довелось встретить!»

Особенное восхищение у него вызывали медицинские сестры и санитарки, с которыми он работал в больницах и госпиталях. Дед Яков считал их незаметный каждодневный труд подвигом. «Врач сделал операцию – большое дело! Но выздоровление больного зависит от ухода. Доброта и ласка – это главное. Иначе – все напрасно!» – убеждал он Лизу.

Дедушка любил поговорить со своей внучкой. Они были лучшими друзьями. Лиза тоже обожала деда Якова и каждое лето гостила в его чудесном доме.

И вот начались каникулы, девочка мечтала, что они с дедушкой будут днем гулять по саду, а вечером пить чай на террасе. И он станет рассказывать ей свои истории. А теперь деда Якова нет. И, наверное, самого интересного Лиза так никогда и не узнает.

И тут она вспомнила его последние слова о какой-то тетради. «Надо найти ее», – решила Лиза и, не теряя времени, побежала к дому. – «О какой тетради он говорил? И почему ее нужно искать на чердаке?» – думала она, поднимаясь по крутой лестнице.

У деда целый большущий секретер был забит разными записными книжками и блокнотами: он много писал. Жизни не хватит, чтобы все разобрать! А тут еще и на чердаке какая-то таинственная тетрадь...

В единственное окно ярко светило солнце. Столб света упирался в большой сундук. Трудно даже представить, как его сюда могли затащить. Тем не менее, эта древняя машина загромождала чуть ли не полчердака. А вот замка на ней не было. «Почему бы не начать поиски с этого сундука?» – и Лиза, потянув за ручки, с большим трудом открыла массивную крышку.

– Ого! – не смогла она сдержать возглас удивления.

В сундуке лежали красивые старинные вещи, настоящий антиквариат. Изящная фарфоровая статуэтка пастушки, тяжелый подсвечник на три свечи, шкатулка с деревянными гребнями, маленькая сумочка, расшитая бисером и золотистыми нитками, а под ними – кружевная скатерть и салфетки ручной работы. На самом дне – два деревянных ящика. Лиза открыла один из них и достала свернутую старую ткань с крестом, вышитым потускневшими от времени красными нитками. Материя оказалась косынкой. Под ней лежало поношенное темное платье, чем-то похожее на монашеский подрясник, пожелтевший от времени длинный передник, и в самом низу какая-то тетрадь. И как раз в кожаном переплете!

С волнением и трепетом Лиза открыла первую страницу. Сверху красивым тонким почерком было выведено: «С[е]стры милос[е]рдїя Таисїи Трубилиной личныя записи». Написано чернилами. Все вроде на русском языке, но в то же время и не совсем, и буквы какие-то немножко другие. А ниже – дата, но на ней писавший посадил кляксу, которую потом попытался смазать. Поэтому разобрать можно было только первые цифры: «19... годь».

Затаив дыхание, Лиза перевернула страницу и стала читать, легко разбирая слова:

«Святая праведная Иулиания Лазаревская

7078 год от Сотворения мира¹ принес страшное испытание русским людям – голод. Казалось, земля утратила силу плодородия: сеяли, но не собирали хлеба – то холод, то засуха губили жатву. Дороговизна сделалась неслыханная. Бедные толпились на рынках, спрашивали о цене хлеба и вопили в отчаянии. Милостыню стали просить те, кто еще сам вчера щедро раздавал нищим хлеб. Люди скитались как тени, умирали на улицах и на дорогах.

Тяжко ступая босыми ногами, распухшими от голода так же, как и все тело, Иван брел, не разбирая пути. Жена и дети его умерли голодной смертью. Зачем он остался жить? Да, видно, и его конец близко. Обессилив, он упал у высокого дерева, не дойдя до крайней избы села Лазарева нескольких шагов.

Улица была пустынна. Может, уж и здесь не осталось никого в живых? Голод не щадит ни старых, ни малых. Вдруг, откуда ни возмись, появилась женщина, закутанная в широкую шаль, с большой корзиной. И захлопали калитки: вышли люди, обступили ее, протянули руки. Она что-то раздавала. Иван не поверил своим глазам: женщина ловко доставала из своей корзины хлеб, калачи и даже куски мяса!

Собрав последние силы, крестьянин попытался встать, но смог только ползти. Когда он приволок свое непослушное тело к краю дороги, люди уже расходились, бережно заворачивая в тряпицы драгоценную еду. Женщина подняла корзину и собралась уходить, когда заметила Ивана.

– Что ж ты, мил человек, совсем изнемог? – она присела и заглянула в изможденное лицо умирающего.

– Хлебца не осталось? – едва шевеля губами, прошептал он.

– Погоди, родимый, – она полезла в карман и достала платочек, в который были завернуты два маленьких сухарика.

Он почувствовал во рту забытый вкус настоящего хлеба и блаженно закрыл глаза.

– Дуня, – окликнула спасительница молодницу у калитки ближайшего дома. – Возьми человека. А я к вам вечером зайду.

Молодая женщина проворно побежала в избу, а потом вышла с парнишкой лет двенадцати. Вместе они подхватили Ивана с двух сторон и повели во двор.

¹ До 1700 года, до эпохи Петра Великого, на Руси использовалось летоисчисление от Сотворения мира. Чтобы получить год по привычному нам летоисчислению от Рождества Христова, нужно отнять число 5508 от года Сотворения мира.

Видно, Иван был в беспамятстве, потому как, открыв глаза, увидел горящую лучину в темной избе. Хозяйка пряла, тихонько напевая грустную песню. Стук в дверь заставил ее отложить работу.

– Дуняша, это Марфа! Открой!

Когда она вернулась, изба наполнилась запахом свежее испеченного хлеба. У Ивана закружилась голова от этого неслыханного аромата. И он не смог сдержать стон.

– Эй, человек, живой ты?

– Слава Спасителю, не помер еще, – с трудом ворочая языком, ответил тот.

– Ничего, сейчас покушаешь – полегчает!

Дуня помогла Ивану спустить ноги с лавки, а спиной он оперся о стену. Ей пришлось кормить больного с рук, отрывая маленькие кусочки.

– Кто эта святая женщина, которая раздает еду голодным? – не удержался он от мучившего вопроса.

– Раздает Марфуша, моя сестра. А святая женщина – ее госпожа Иулиания из дома Осорьиных. Храни, Господь, ее добрую душу! Вот уж она и впрямь благодетельница наша. Марфе не велит о себе говорить, но разве утаишь такое? Мы-то знаем, кто спасает нас от голодной смерти. Только ее милостью село и выживает.

– Расскажи мне о ней, – попросил Иван.

– Отчего ж не рассказать! Это я с радостью!

Дуня дала больному воды из резного деревянного ковша, помогла ему лечь на лавку. Сама снова взялась за свою работу и начала рассказ.

– Госпожа наша Иулиания родилась в Москве в богатой семье дворян Недюревых. Отец ее служил при дворе царя-батюшки Иоанна Васильевича. Жила семья дружно, с верой в Господа, не скупилась на щедрую милостыню нищим и убогим. Дети, видя родительский пример, росли послушными, добрыми и милосердными.

Да недолго довелось Иульянушке тешиться родительской лаской в родном доме со своими братьями и сестрами. Шесть годочков было ей, когда умерла ее мать. Забрала девчущку к себе бабушка с материнской стороны, увезла в Муром. А через шесть лет и сама бабушка отдала Богу душу. Иулианию же завещала взять на воспитание тетке ее, своей дочери. Только у тетки той было своих восемь дочек да сын.

Миру известно, что и родные братья с сестрами не всегда живут в дружбе и согласии. Тем более трудно ужиться дальним родственникам. Но Иулиания не по годам росла мудрой и покладистой, во всем слушалась тетку, молчаливо сносила укоры и обиды ее дочерей. Не была она похожа на них – не нравились ей игры и забавы. А любила она пост, молитву и труд. И вот в то время, когда ее сверстницы играли, пели веселые песни да водили хороводы, двенадцатилетняя Иулиания трудилась, не покладая рук: пряла, ткала, шила и вышивала, шепча молитвы. За этими занятиями она просиживала долгими ночами. И все, что делала своими руками, раздавала бедным людям.

Так над нею не только сестры издевались и насмехались, но даже теткнины рабы. А тетка укоряла Иулианию тем, что она в такой молодости изнуряет свое тело и губит девичью красоту, и насильно принуждала ее есть. Да не тут-то было: всегда кроткая, молчаливая и покорная племянница становилась твердой и настойчивой, когда шло дело о спасении души и богоугодной жизни. Заставить нарушить пост ее не мог никто.

В шестнадцать лет Иулианию обвенчали с богатым Муромским дворянином Георгием Осорьиним в нашем селе Лазареве. Господин Георгий как раз искал такую кроткую, богобоязненную девушку себе в жены. И был рад, что нашел. Отец Патапий, как обвенчал молодых, сказал им: «Живите между собой и воспитывайте детей в страхе Божиим, насаждайте добродетель между домочадцами, устройте из семьи малую церковь». Иулиания и Георгий стали свято следовать этому завету.

И поселилась наша госпожа в Лазареве, в доме родителей мужа – людей, известных при самом царском дворе. Много рабов у них и несколько вотчин. А кроме сына Георгия есть еще две дочери. С сестрами мужа сладить – дело непростое, не жалуют ведь золовки невесток. Но госпожа Иулиания своим тихим нравом, всегдашней лаской и приветом скоро заслужила любовь и свекра со свекровью, и золовок. Полюбили ее даже дальние родственники Осорьиных и близкие к ним люди.

Да и как ее не любить! С тех пор, как приехала она в Лазарево, наш народ как будто мать родную обрел. Случись у кого какая беда, тут же госпожа помощь пришлет. А и без беды сама прознает, кто в селе в чем нужду имеет. Деньги ли, еду, одежду – все передаст тайно через свою верную служанку Марфушку. Самую большую помощь вдовам и сиротам дает. К Марусе, соседке моей, сама в дом приходила. Когда та захворала, она дочку ее мыла и кормила своими руками. Потом мне велела приглядывать и помогать, денег оставила много. А одежду какую принесла малютке – залюбуешься! И разве ей только помогла: ой, и всех не перечислить, не вспомнить!

Вот сейчас голодно у нас, а с Божьей помощью, да по молитвам нашей госпожи Иулиании, ее милостью кусок хлеба каждый день имеем. В Лазареве от голода еще никто не умер. Слава Господу нашему!

Дуняша перекрестилась и продолжала:

– Только нищие, что проходят через село, часто умирают – не всем удастся помочь. Так госпожа Иулианюшка нанимает людей обмыть и убрать покойника, дает деньги, чтобы саван купить и похоронить. И молится за каждую душеньку! По сто земных поклонов кладет ежевечерне, хоть и устанет за день от забот и хлопот. А потом еще до поздней ночи сидит за шитьем. Когда муж ее Георгий на царскую службу в Астрахань уезжает или в другие дальние места – он дома по году, а то и по два не бывает, – так госпожа Иулиания и по всем ночам не спит, в молитве и рукоделии все время проводит.

За весь рассказ Иван не издал ни звука.

– А и живой ли ты? – тихо окликнула Дуня. – Ох, не пришлось бы и тебе саван покупать!

Отставив работу, она нагнулась над больным. Он мирно спал.

Вдовствовала Авдотья уже пять лет. Умерли и двое ее деток – еще во младенчестве. Только Миша, первенец, остался ей утешением, но и вдвоем не могли они осилить всей мужицкой работы. Хозяйство хоть и небольшое, а руки нужны. Потому, когда Иван окреп после болезни и решил остаться, Дуня противиться не стала – обвенчалась с ним в Лазаревской церкви.

А беда не отступала от земли русской. Вслед за голодом начался сильный мор от болезни «пострел». У людей на теле появлялись страшные язвы. Захворавшие умирали мучительной смертью в короткий срок. Пораженные ужасом жители села Лазарева запирались в домах и не пускали к себе больных, боясь даже прикасаться к их одежде. Не обошла стороной болезнь и дом Ивана и Дуни – заболели оба, а потом слег и Миша.

Каждый день приходила Марфуша, приносила еду, целебные мази и отвары от госпожи Иулиании. И болезнь стала отступать. Но однажды сестра не пришла.

Миша по молодости лет быстрее поправился и уже мог немного ухаживать за матерью и отчимом. Но кормиться было нечем. Дуня молилась о том, чтобы управил Господь жизнь Мишеньки, послал здравие мужу, а сама она готова была к смерти. И вдруг к ним в избу зашла госпожа Иулиания, перекрестилась на красный угол и поставила на лавку большую корзину, с которой раньше ходила Марфа.

Собрав все свои силы, Авдотья поднялась с лавки и упала к ее ногам.

– Благодетельница, ты ли в нашем доме? Как могла ты прийти к нам, больным и убогим? Не пристала бы к тебе эта зараза!

– Бог с тобой, Дунюшка! – поднимая ее, сказала Иулиания. – Заразы я не боюсь, ибо жизнь и смерть мои в руках Господа. Сестра твоя Марфушка совсем слегла. Потому сама я пришла к вам. У дороги видела я людей несчастных. Видно, больны они. Позволишь ли ты мне привести их сюда, помыть в твоей бане и лечить их у тебя в доме?

– Как не позволить, госпожа ты наша? Раз ты не боишься болезни, так чего же мне, самой больной, бояться? Только не помощница я тебе, как видишь...

– Ничего, Бог даст, и ты поднимешься. А пока я сама справлюсь.

Иулиания привела во двор двух женщин, а с ними еще двух деток и мужчину. Детей положили на скамью, а взрослые легли прямо на землю. Они были слабы от голода и усталости.

Миша помог натопить баню. И госпожа Иулиания сначала вымыла своими руками девочек, потом женщин – их мать и бабушку. Дошел черед и до мужчины – отца. Он никак не мог согласиться на то, чтобы его мыла госпожа Иулиания, но у самого сил не было. Тогда с ним пошел Михаил.

Всем Иулиания принесла одежду – чистую, новую, а их тряпье тут же сожгла в печке. Обнаруженные язвы смазала снадобьем, которое приготовила сама. Напоила всех отваром из целебных трав, со свяченой водой, каждому дала по кусочку просфоры. Занимаясь этим, госпожа Иулиания непрерывно читала молитвы.

На полу в избе постелила она солому толстым слоем, накрыла домоткаными половиками, чистой холстиной и уложила путников, которые тут же уснули. Мишу, Дуню и Ивана она напоила тем же отваром, смазала их заживающие язвы. Потом достала из корзины большую миску с кашей, щедро сдобренной маслом, и каравай хлеба.

– Как стемнеет, опять приду, – пообещала Иулиания. – А сейчас вернусь домой, пока не хватились. Тайком я ушла, сказала, что молиться буду, чтобы не беспокоили. Вот я тут с вами и помолилась. Оставайтесь с Богом!

Еще не раз приводила госпожа Иулиания в избу к Авдотье несчастных скитальцев. Мыла их в бане, переодевала, лечила. Те, кто выздоравливал, шли дальше своей дорогой. А тех, кто умирал, госпожа сама обмывала. Она же нанимала людей относить их для погребения.

Не пережила болезни верная служанка Марфуша. И со временем заняла ее место Дуня, нашлась работа в доме Иулиании и для Ивана с Мишей.

В глубокой старости на смертном одре постриглись в монашество свекор и свекровь госпожи Иулиании и вскоре умерли. Георгий, муж ее, в это время находился на царской службе в Астрахани. После погребения Иулиания раздала за упокой их душ щедрую милостыню, заказала по церквам сорокоусты и 40 дней ставила поминальные столы для монахов, священников, вдов и нищих, посылала обильные подаяния по острогам.

Жили господа Иулиания и Георгий тихо и мирно много лет. Тринадцать деток послал им Господь, но шестеро из них умерли еще младенцами. Остальных супруги вырастили и радовались на чад своих. Только постигло горе этих праведных людей. Были убиты два их взрослых сына, один – на царской службе, а другой – от руки своего же раба, к которому Иулиания всегда была безмерно добра и участлива. Материнское сердце мучительно переносило такую скорбь. Но Иулиания не вопила, не рвала волос своих. Непрестанная молитва и милостыня подкрепляли ее силы. Скорбел и Георгий о потере детей, но жена утешала его.

А позже, под влиянием семейного горя, госпожа Иулиания стала просить мужа отпустить ее в монастырь и даже призналась в своем намерении уйти тайком. Тогда муж напомнил ей слова святых отцов о том, что не спасает монастырь тех, кто живет не по-монашески, как и не губит мирская жизнь тех, кто творит Богу угодное. Просил ее Георгий заботиться об оставшихся пяти детях, не обрекать их на сиротство.

И Иулиания ответила:

– Да будет воля Господня!

После этого супруги стали жить как брат с сестрою.

Госпожа Иулиания еще больше предавалась молитве, особенно в ночное время. По-прежнему она заботилась не только о своих домочадцах, но и о вдовах, сиротах и нищих.

Прошло еще десять лет, умер супруг госпожи Иулиании. Помянув его по обычаю, как и свекра со свекровью, она вся отдалась служению Богу и ближним. Детям, сильно горевавшим об отце, она говорила в утешение:

– Не скорбите, чада мои! Смерть отца вашего – назидание нам, грешным. Видя ее и постоянно ожидая для себя кончины, будьте добродетельны. Больше всего любите друг друга и творите милостыню.

Все эти годы верой и правдой служили госпоже Иулиании Дуня, Иван и Михаил. Они были свидетелями ее духовного подвига, ее дел во славу Божию.

– Вчера, когда мы шли из церкви, у госпожи уже не осталось ни одной монеты – все раздала нищим, а тут подошел еще один убогий человек, – рассказывала как-то вечером Авдотья мужу. – Так она попросила у меня займы немного денег, чтобы дать ему. Я отдала те, что брала с собой, чтобы купить на ярмарке тебе сапоги.

– Ничего, похожу в старых. Не бери у госпожи денег назад.

– Не могу, она будет настаивать. Ты же знаешь, с нею спорить трудно. Ее и дети-то не всегда убеждают. Вспомни, как зимой она ходила без теплой одежды, а ведь брала у сыновей деньги, чтобы шубу купить. А как повстречала Машу-вдову с детками, так и все ей отдала до последней копейки. И у меня ничего теплого не взяла, даже от чулок отказалась. Всю зиму проходила в сапогах на босу ногу.

– Блаженная!

– Да она, госпожа наша, чтобы сильнее пламенеть молитвою к Богу – Подателю радости и утешения, под свои босые ноженьки в сапог еще битые черепки и ореховую скорлупу подкладывала.

Однажды необыкновенно холодной зимой, когда от мороза трескалась земля, а госпожа Иулиания из-за стужи некоторое время не ходила в церковь и молилась только дома, Дуня увидела, как к дому ее госпожи бежит сельский священник. Желая проводить его, женщина поспешила навстречу. Но батюшка, казалось, не заметил ее и сам забежал в дом к хозяйке. Вошедшая следом Авдотья стала невольной свидетельницей их разговора. Услышав первые слова, она уже не в силах была уйти.

Упав к ногам госпожи Иулиании, священник быстро говорил:

– Матушка, прости Христа ради, услышал я сегодня ранним утром в храме голос от иконы Пресвятой Богородицы: «Поди и скажи милостивой Иулиании, отчего она не ходит в церковь? И ее домашняя молитва угодна Богу, но не так, как церковная. Вы же почитайте ее – на ней почивает Дух Святой».

Иулиания переменялась в лице и с печалью ответила священнику:

– Батюшка, ты, видно, впал в соблазн, когда так говоришь. Как я, грешница пред Господом, могу быть достойной такого призыва?

Обратившись ко всем, находящимся в комнате, она сказала:

– Должна я взять с вас всех клятву о том, что ни при жизни моей, ни по смерти моей никто из вас никому не расскажет об этом чуде.

Дуняша, услышав, как все обещали исполнить волю Иулиании, незамеченная быстро вышла из дома. Не сдержавшись, в сильном потрясении она рассказала об этом мужу. Только промолвила последние слова, как госпожа позвала ее в храм. Там Иулиания отслужила молебен пред иконой Богородицы, облобызала ее и слезно молилась перед Заступницей Усердной. В едином порыве со своей госпожой молилась и Дуня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.